КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Марта. № 5. 1876 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ 3-Ю ВЕЛИКАГО ПОСТА—КРЕСТОПОКЛОННУЮ.

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое Воскресеніе Твое славимъ. (Пѣснь вмѣсто трисвятаго на литургіи и на поклоненіи кресту въ концѣ утрени).

Св. церковь, для воодушевленія насъ къ подвигамъ поста и покаянія, износитъ нынѣ честный крестъ Господень къ благоговѣйному нашему предъ нимъ поклоненію, и предпразднуетъ свѣтлое Христово Воскресеніе изъ мертвыхъ. Чтобы въ такомъ ея священномъ дѣйствіи подлинно получить намъ себѣ подкрѣпленіе къ богоугоднымъ подвигамъ великопостнымъ, надобно, бр., не машинально, не безъ сознанія покланяться кресту животворящему и пѣть Спасово тридневное Воскресеніе изъ мертвыхъ.

Покланяться Кресту Христову должны мы съ живою мыслію о *Господѣ Славы, за ны распеншемся* на древѣ. Мысленно да созерцаемъ Христа Богочеловѣка, пречистыя руцѣ Свои распростершаго на крестѣ *отъ Себе далече бывшія* (человѣки) *призывая и близу Себе устроя*. (Стих. крест.) Для сего-то мысленнаго созерцанія вѣрою Христа

распятаго церковь изображаетъ на крестѣ и самый ликъ распеншагося волею и умершаго на немъ Богочеловѣка. Преклонись благоговѣйно, съ благодареніемъ, со страхомъ предъ святѣйшимъ ликомъ Искупителя твоего, душа вѣрующая! Съ трепетомъ и любовію лобызай на ономъ изображеніе гвоздей, мысленно касаясь самыхъ пречистыхъ язвъ Христовыхъ! И осѣняя себя спасительнымъ знаменіемъ крестнымъ возопій, христіанинъ, къ Іисусу сладчайшему отъ всея души тѣ трогательныя и умилительныя моленія, какія возноситъ Ему отъ лица каждаго изъ насъ матерь наша—св. православная церковь:

Длани пречистыя Твоя, Христе, на древѣ вознесъ, и твоя персты окровавилъ еси, хотя избавити божественныхъ Твоихъ рукъ дѣло, Человѣколюбче, Адама, иже преступленіемъ держима во царствіихъ смертныхъ: егоже воздвиглъ еси властію Твоею, Всесильне: На крестѣ пречистѣи руцѣ Твои простерлъ еси, Христе, отъ Тебе далече бывшія призывая и близу Тебе устроя. Тѣмже молютися: плѣнена мя бывша страстьми собери и покаяніе ми даруй, всяку скверну страстную очищающее. (Стихиры креста).

Покаяніе ми даруй!... Безъ мысли, бр., о покаяніи, безъ чувствъ искренняго сокрушенія о грѣхахъ своихъ, безъ желанія отъ нихъ очиститься что и за поклоненіе Господу, пострадавшему и умершему за грѣхи наши,—для того пролившему кровь Свою честную, чтобы мы, избавившись ею отъ грѣховъ нашихъ, праведно пожили? Но сердечное раскаяніе во грѣхахъ своихъ предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ соединимъ съ чувствами надежды на Его безпредѣльное, божественное милосердіе. Сынъ Божій претерпѣлъ мучительнѣйшія страданія и позорную смерть крестную именно

для того, чтобы избавить отъ вѣчныхъ за грѣхи наказаній во адѣ всѣхъ притекающихъ къ Нему, какъ къ Искупителю, Ходатаю Бога и человѣковъ, съ вѣрою и покаяніемъ, съ любовію и надеждою. И не только избавилъ Онъ кающихся отъ мукъ ада, но и царство Свое небесное обѣщалъ имъ даровать. Покланяясь кресту честному Христову, какъ жертвеннику страданій и смерти Спасителя за грѣхи наши, усердно станемъ просить у Господа Іисуса Христа прощенія всѣхъ нашихъ согрѣшеній вольныхъ и невольныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, тайныхъ и явныхъ. Слезно будемъ умолять безпредѣльную благость Отца небеснаго, даровавшаго намъ Сына Своего во Спасителя, чтобы отпустилъ намъ всѣ наши неправды и беззаконія и благодатію Своего Духа Святаго очистилъ насъ отъ скверны грѣха, избавилъ отъ страстей нашихъ, исхитилъ изъ страшной власти надъ грѣшниками искусителей нашихъ—духовъ злобы.

Вѣрою созерцая Сына Божія, на крестѣ примирившаго Бога съ человѣками, и всѣхъ людей объемлющаго въ Своей безпредѣльной къ намъ любви распростертыми ко всѣмъ дланями, и примиряясь посредствомъ Христа Спасителя съ Богомъ Отцемъ, простремъ и сами, христіане, мирную, сострадательную и исполненную дѣлъ благихъ любовь ко всѣмъ человѣкамъ. Всѣ мы—другъ другу, братія, не только какъ созданія Единаго Тріѵпостаснаго Бога и существа одной природы, но и какъ искупленные честною кровію Единаго отъ Троицы вочеловѣчившагося Бога—Слова. Особенно пусть простирается братская любовь наша на присныхъ намъ, на родныхъ нашихъ по плоти и особенно по духу, по православной вѣрѣ христіанской. Вспомнимъ Іисуса Христа, обнаженнаго насъ ради, и во Имя Его подадимъ одежду наготующему во Христѣ собрату нашему. Вспомнимъ жажду Спасителя

нашего, и ради Его святѣйшаго имени утолимъ жажду бѣднаго по крайней мѣрѣ чашею студеной воды. Не забудемъ возгласа Христова на крестѣ: *Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ*,—и отъ души простимъ всѣ сдѣланныя намъ ближними обиды. Представимъ Богочеловѣка, со креста снемлемаго и погребаемаго съ честію, съ муры и ароматы. И ради Его—Жизнодавца не покинемъ участіемъ любви умирающихъ ближнихъ нашихъ, но съ любовію послужимъ ихъ христіанскому погребенію, молясь и объ упокоеніи ихъ душъ со святыми.

Готовность дѣятельной, христіанской любви на сіи и подобныя дѣла милосердія принесемъ, бр., теперь же въ жертву благодарныхъ сердецъ Пожершемуся на крестѣ за грѣхи наши Спасу міра. Предъ Его жертвенникомъ—крестомъ святымъ изречемъ къ Возлюбившему насъ любовію безпредѣльною Господу Іисусу: *возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя: Господь утвержденіе мое и прибѣжище мое*,—возлюблю Тебя и исполню Твою святую мнѣ заповѣдь: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе*.

Въ такихъ мысляхъ, съ такими чувствами, и расположеніями покланяясь честному и животворящему кресту Искупителя, Господа, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и святое воскресеніе Его изъ мертвыхъ мы должны прославлять также съ полнымъ сознаніемъ сего радостнаго міру всему—небесному и земному—событія. Мысленно должны мы созерцать очами вѣры Самаго Воскресшаго изъ мертвыхъ Побѣдителя ада и смерти, Христа Жизнодавца. Христосъ воссталъ изъ мертвыхъ, къ тому уже не умираетъ, смерть Имъ къ тому не обладаетъ. Воскресши изъ мертвыхъ, побѣдивъ смертію смерть, даровавъ сущимъ во гробахъ воскресеніе и жизнь вѣчную, Онъ, вознесшійся плотію на небо, боже-

ствомъ Своимъ и Своею благодатію вѣчно съ нами. *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*—изрекли пречистыя Спасовы уста, въ лицѣ апостоловъ ко всѣмъ намъ въ Него вѣрующимъ. Вспоминая сіе божественное Спасителя обѣтованіе, да возрадуемся духовно,—*духовно,* а не радостію чувственною. *Да возрадуется душа моя о Господѣ*—сказано въ словѣ Божіемъ. А сія св. радость да вознесетъ наши души превыше земныхъ, чувственныхъ и преходящихъ радостей, да восторгаетъ насъ на небо къ живущему во вѣки вѣковъ!

Св. церковь православная, руководя насъ къ сему святому и духовному ликованію о славномъ Христовомъ изъ мертвыхъ Воскресеніи, назначаетъ не только великую седмицу страстей Господнихъ, но и всю св. четыредесятницу великопостную проводить христіанамъ въ строгомъ постѣ и другихъ подвигахъ благочестія,—въ молитвѣ, въ удаленіи отъ мірскихъ веселій, въ уединенномъ богомысліи, въ покаяніи, въ заботахъ и дѣлахъ милосердія. Нарушимъ ли Ея святыя спасительныя о семъ постановленія?

Христосъ умеръ за грѣхи наши и возсталъ изъ мертвыхъ за оправданіе наше. Онъ разрушилъ адъ и отверзъ всѣмъ вѣрующимъ въ св. Троицу и благоугождающимъ Тріѵпостастному Божеству Царство славы своей небесное.

Радуясь о семъ, не только возблагодаримъ Господа за столь великія намъ благодѣянія, но и сами употребимъ всѣ усилія, чтобы, не поглотила насъ преисподняя пропасть адская. Оружіе противъ силъ, влекущихъ насъ къ аду, противъ страстей нашихъ и ихъ возбудителей—демоновъ даровано вамъ Искупителемъ міра. Это: постъ, молитва, благоговѣйное участіе въ св. таинствахъ Церкви, спасительное знаменіе креста, удаленіе отъ соблазновъ грѣха,

жизнь по уставамъ церкви. Христосъ сокрушилъ державу смерти и насъ совоскресилъ съ собой и спосадилъ на небесахъ, одесную престола Божескаго величія. Въ Лицѣ Его Богочеловѣка наша человѣческая природа, бр.,—на престолѣ славы Самаго Божества. И будетъ время, когда всѣ блаженные избранники и избранницы царствія небеснаго внидутъ въ блаженное участіе сей славы Христовой.

Помышленіе о сей ожидающей истинныхъ христіанъ славѣ и блаженствѣ да руководитъ насъ проводить достойно небеснаго нашего званія, по христіански, по православному всѣ дни нашей земной жизни, особенно такія оной времена, какъ св. великая четыредесятница великопостная, нарочито церковію назначаемая намъ для подвиговъ вѣчнаго нашего спасенія. Аминь.

Протоіерей *Н. Флоринскій.*

Протекторъ кіевской академіи Рафаилъ Заборовскій, митрополитъ кіевскій.

«Изобиловала всегда учеными людьми академія кіевская и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпнула, и вся своя новозаведенная училищная колонія напоила и израстила» [1]).—Такъ писалъ въ 1738 г. смоленскій епископъ Гедеонъ кіевскому митрополиту Рафаилу. Въ числѣ условій, поставившихъ высоко такъ кіевскую академію, мы должны признать протекторство кіевскихъ митрополитовъ: Варлаама Ясинскаго, Іосифа Краковскаго, Рафаила Заборовскаго, Тимофея Щербацкаго; но болѣе всѣхъ протекторство Заборовскаго при его сильной любви къ академіи.

[1]) Письм. это 1739 г. іюл. 17. въ Акт. кіев.-брат. училищ. мон., соб. Аскоченскимъ. Т. 1 № 16, Рукоп. кіев. академіи.

Рафаилъ Заборовскій, воспитанникъ сначала кіевской, а затѣмъ заиконоспасской академіи [1]), уступая въ учености знаменитостямъ своего времени (Прокоповичу, Яворскому, Лопатинскому, Тодорскому и др.), не выдѣляясь изъ круга передовыхъ дѣятелей науки своими учеными трудами, на митрополичьей каѳедрѣ въ Кіевѣ высказался, какъ ревностный поборникъ просвѣщенія, ученія и ученыхъ любитель и благодѣтель» [2]). Любовь къ просвѣщенію, правда, отмѣчаетъ всю исторію жизни и дѣятельности Рафаила. Такъ, напр. Михаилъ Заборовскій (мірское имя митрополита), воспитанникъ законоспасской академіи, при сборѣ въ Москвѣ пожертвованій на подарокъ кіевской академіи, даетъ и съ своей стороны извѣстную ленту [3]); Рафаилъ, епископъ псковскій и нарвскій, открываетъ школу въ Псковѣ, увѣковѣчивая тамъ свое имя; но въ большей степени ясно выразилось покровительство Заборовскаго просвѣщенію въ теченіи 16-ти лѣтней его дѣятельности на кіевской каѳедрѣ (1732—1747). Академія кіевская, гдѣ прошли лучшіе годы самого Заборовскаго, гдѣ опредѣлился для него путь чести и славы, была для него предметомъ необходимыхъ заботъ. Митрополитъ понялъ, опредѣлившееся историческими условіями, высокое просвѣтительное значеніе академіи кіевской

[1]) Заборовскій въ концѣ XVII ст. воспитывался въ кіевской академіи, а въ началѣ XVIII ст. по распоряженію Яворскаго переведенъ въ заиконоспасскую академію, гдѣ съ успѣхомъ кончилъ богословское образованіе.

[2]) Хрон. кіево-михайл. мон. см. кі в. еп. вѣд. 1861 г. № 16.

[3]) Въ конгрегаціонной церкви при академіи кіевской сохранилось Евангеліе, подарокъ воспитанниковъ заиконоспасской академіи, перешедшихъ туда изъ Кіева по распоряженію Яворскаго. На евангеліи въ числѣ жертвователей записанъ и Заборовскій.

и поставилъ своей задачей поддержать ее въ опредѣлившемся положеніи.

1) Старая кіевская школа, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ научно-моральномъ отношеніи, до послѣдней половины XVIII ст. можно сказать, была неотдѣлима отъ кіевскаго братскаго монастыря и интересовъ его. Поэтому благосостояніемъ цѣлаго монастыря обусловливалось и благосостояніе школы. Передъ вступленіемъ на каѳедру кіевскую Рафаила 1732 г., матеріальная сторона братско-училищнаго монастыря не представляла высокой степени благосостоянія. Матеріальный бытъ его обезпечивался главнымъ образомъ земельными имуществами. «Село Карпиловка съ приселками: Лутовою, Виповзовомъ, Казачовкою, село Позняки, Плесецкое, Мотовиловка, село Мостища, Борщувка и нѣкоторыя другія выгодности: перевозы, рыбная ловля, сѣножати, пляцы, гута (стеклянный заводъ въ Карпиловкѣ), шинки валючни (суконновальныя заведенія) были доходными статьями монастыря [1]. Если вѣрить отчету академическому 1733 года, то доходъ съ этихъ имуществъ былъ очень незначителенъ, всего только около 400 руб. въ годъ. Незначительная сумма этого дохода увеличивалась ежегоднымъ жалованьемъ государевымъ въ 76 р. выдаваемымъ изъ губернской канцеляріи, да митрополичьимъ—въ 100 руб. выдаваемымъ изъ каѳедры [2]. Средства ничтожныя при увеличивающихся и осложняющихся нуждахъ и потребностяхъ монастыря. При предшественникѣ Заборовскаго нерадивое отношеніе академическаго начальства къ земельнымъ имуществамъ привело весь монастырь въ край-

---

[1]) Матер. для отеч. истор. изд. М. Судіенко т. 1. отд. 2 стр. 48.

[2]) См. Акт. кіев. б. учил. м. Г. 1 № 2.

нее обѣдненіе. «Монастырь братскій», писалъ заботливый митрополитъ Рафаилъ Ѳеофану Прокоповичу, «пришелъ въ крайнюю скудость и таковую, что и къ повседневному пропитанію не имѣютъ довольства учители и прочіи братія» [1]). Бѣдность монастыря прежде всего сказалась на академическихъ зданіяхъ; они обветшали и готовы были разрушиться.

Прежде всего Рафаилъ Заборовскій, всмотрѣвшись въ неприглядное положеніе академіи, взялся за возобновленіе академическихъ зданій. Въ 1732 году онъ написалъ воззваніе какъ къ духовенству, такъ и къ свѣтскимъ людямъ, чтобы учинено было по возможности подаяніе въ пользу академіи. Въ разныя стороны Россіи отправлены были отъ него сборщики пожертвованій съ книгами, въ которыя вносилось имя жертвователя. Чтобы возбудить народъ къ подаянію, чтобы дѣла, предпринятыя митрополитомъ, въ лучшій и надежный порядокъ пришли, для этого Даніилъ Апостолъ, гетманъ Малороссіи, по просьбѣ митрополита, выдалъ жалобный универсалъ 1732 г. 19 мая. [2]) А между тѣмъ, когда шли сборы въ пользу академіи, Рафаилъ всѣми мѣрами старался изъ разныхъ источниковъ увеличить средства кіевобрат. училищнаго монастыря, а вмѣстѣ и академіи. Такъ въ 1732 г. іюля 21 дня, отнятое отъ академіи право продавать вѣнечныя памяти въ нижнемъ г. Кіевѣ, снова было предоставлено ректору академіи. [3]) Въ 1733 году, вводя отчетность въ управленіе монастырскими имуществами, Забо-

---

[1]) Письмо Ѳеф. къ Рафаилу Прокопов. въ Русс. Архив. 1865 г. 330 стр.

[2]) Матер. для отеч. истор., изд. Судіенко т. 1 отд. 2 стр. 166.

[3]) Вѣнечною памятью назывался письменный видъ, выдаваемый духовными властями на совершеніе брака, не подлежащаго никакому сомнѣнію. (Опыт. повѣст. о древностяхъ русск. стр. 128 изд. 1818 г). Акт кіев. б. монастыр. т. 1. №. 1

ровскій потребовалъ отчета и отъ братскаго монастыря, или «письменной вѣдомости, за руками начальствующаго и начальнѣйшей братіи, которіи по постановленіи въ начальство, какое именно число въ скарбцу застали денегъ монастырскихъ и отъ того начальничества своего всѣ ли и теперича на лицо имѣются, а буде не имѣются всѣ, гдѣ и на що имянно: на строеніе ли? или на другія какія общія нужды употреблени? и на всякъ годъ коликое число денежныхъ приходовъ? и на какіе имянно оніи приходніи деньги употреблены расходи?».. Распоряженіе Рафаила очень важно; такъ какъ бѣдность училищнаго монастыря, по словамъ практическаго Ѳеофана Прокоповича [1]), зависѣла отъ плохой экономіи монастырской. Амвросій Дубневичъ, ректоръ академіи, представилъ отчетъ за три года своего управленія монастыремъ [2]). Неизвѣстно, какую собралъ сумму

---

[1]) Письм. Ѳеоф. Прок. къ Рафаилу,Русс, Арх. 1845 г.

[2]) Этотъ отчетъ показываетъ, насколько ничтожны были средства монастыря; мы приведемъ его. По ревизіи братіи соборной явилося денегъ на лицо толико: 1) червоныхъ поединковъ сто шестнадцать; 2) дукатовъ сорокъ четыри, между которыми подвойныхъ сорокъ единъ, а въ троихъ по чотыри, червони; 3) привѣсныхъ червонихъ (зъ *шейками*) дванадцать (зъ образа), между которыми чотири дуката по десять червоныхъ, одинъ дукатъ въ осьмь червоныхъ, три дуката по семь червонихъ, единъ дукатъ чотири червони, а три дуката по два червони». Изъ этого числа истрачено на митру и патерицу 16 червонихъ поединковыхъ. Затѣмъ въ вѣдомости представленъ любопытный «экстрактъ з реестровъ приходскихъ и расходнихъ». 1) За годъ 1730, 731, 732 пришло з губернской канцеляріи государеваго жалованья денежнаго и хлѣбнаго—238 р. 20 к.; 2) архіерейскаго жалованья за два года—200 р. 3) зъ пляцовъ купичнихъ въ Кіевѣ имѣющихся—

практическій митрополитъ, знаемъ только, что онъ нашелъ необходимымъ добавить своихъ 1640 руб., чтобы начать постройки академическія въ училищномъ монастырѣ [1]). Въ короткое время, говоритъ изслѣдователь «Кіева съ его древнѣйшимъ училищемъ» [2]) вмѣсто старыхъ, обветшалыхъ, являются новыя помѣщенія для учениковъ. На мѣстѣ бывшей гостинницы, обращенной Петромъ Могилою въ пристанище для сиротъ и другихъ странниковъ, Рафаилъ возводилъ великую бурсу, такъ называемую въ отличіе отъ бурсъ, находящихся при церквахъ приходскихъ. Кіевляне, изъ уваженія къ огромности зданія, тогда же назвали его студентскимъ домомъ. Кромѣ того надъ каменнымъ корпусомъ, построеннымъ Иваномъ Мазепою, Рафаилъ въ 1735 году надстроиваетъ второй этажъ, по плану архитектора Шейделя, съ огромною коллонадою тосканскаго ордена и созидаетъ тамъ же Благовѣщенскую церковь. Ноября 1-го 1740 года церковь эта была освящена самимъ Рафаиломъ

---

68 р.; 4) зъ шинковъ всѣхъ маетностей—392 р. 50 к. 5) зъ перевозу карпиловскаго половинной части пришло—36 р.; 6) зъ гути карпиловской—52 р.; 7) чиншевыхъ денегъ зъ рожнихъ угодій монастырскихъ вийшло—104. 8) мостовыхъ денегъ въ Мостищахъ собралось—43 р.; 9) валющихъ денегъ зъ млиновъ—15 р.» Итого всѣхъ 1148 р. 40 к. Въ расходѣ поставлено 1098 р. 70 коп.; а остальные 50 руб., сказано въ отчетѣ, у мажора. (Акт. кiев. бр. м. т 1. № 2).

[1]) Это передаетъ Аскоченскій (Кіевъ съ древ. училищ. т. II, стр. 80), а Булгаковъ въ исторіи академіи, сообщаетъ, что Рафаилъ далъ своихъ денегъ 1140 руб. (Истор. кіев. акад. стр. 113). Въ архивѣ Кіево-выдубецкаго монастыря, въ записи объ академіи сказано, что Рафаилъ пожертвовалъ 1640 руб.

[2]) Кіев. съ древ. учил. Аскоченск. 81 стр.

и отъ того времени и донынѣ остается по преимуществу училищнымъ храмомъ. Не забыты были Рафаиломъ и другія постройки и зданія; всѣ они были возобновлены и починены. Въ 1740 году Заборовскій приступилъ къ починкѣ большой братской церкви и для этого по совѣту ректора академіи, посылалъ сборщиковъ пожертвованій (кіевобратскаго монастыря іеромонаха Іоанникія и іеродіакона Антонія) въ малую Россію и украинскіе полки, въ Москву и Петербургъ [1]).

Въ теченіи шестнадцати-лѣтняго протекторства академіи, Рафаилъ заботился о соблюденіи и другихъ выгодностей академіи. Въ число не малыхъ услугъ Заборовскаго, оказанныхъ академіи, мы должны поставить и ходатайство Рафаила о сохраненіи правъ и привиллегій кіевской академіи. Кіевская академія изстари принимала въ число студентовъ всѣхъ православныхъ молодыхъ людей, которые по своему происхожденію входили въ составъ воспитанниковъ и свободно могли оставлять ее. Правительство указомъ въ 1738 году нѣкоторымъ образомъ хотѣло ограничить одно право. Вотъ что писалъ синоду въ 1738 году, по полученіи указа, Рафаилъ: «если всѣхъ учениковъ, записавъ въ книгѣ, на коштѣ указномъ содержать (на средства каѳедры епископской) и впредь освободить приходъ и отлученье изъ училищь кіевскихъ заградить, то изъ зарубежныхъ людей польской и другихъ націй (которымъ свободно высокомонаршими грамотами, на коллегію кіевскую данными, приходить учиться позволено, коихъ большая часть въ училищахъ кіевскихъ обрѣтается) то никого не будетъ, а изъ малороссіянъ, которые на своемъ коштѣ учатся, когда

---

[1]) Акты кіево-бр. уч. мон. с. Аскоч. т. I, № 14.

имъ свободный отпускъ унять изъ училищь кіевскихъ, безохотно разбѣгутся и тая коллегія кіевская, которая отъ своего начала чрезъ долгія лѣта за свободу по примѣру иностранныхъ училищъ премощнѣйшими, высокомонаршими грамотами укрѣпленная, довольно учениковъ имѣла, въ крайнее оскуденіе придти можетъ» [1]). Императрица Елизавета Петровна, принимая въ резонъ ходатайство Рафаила, 1742 декабря 11 дня, выдала жалованную грамоту академіи [2]). Въ этой грамотѣ предписывалось «принимать для ученія всякихъ чиновъ россійскихъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ дѣтей, остерегаясь того накрѣпко, чтобы ученье было благочестивое, христіанское восточнаго исповѣданія, а отступниковъ и противниковъ вѣрѣ греческой россійской также и еретиковъ въ помянутыя школы не допускать и прелесть противнаго вѣдѣнія и всѣ еретическія обученія весьма отсѣкать и искоренять». Грамота подтвердила права, которыми искони пользовалась академія. Въ добавокъ императрица этою грамотою повелѣла на содержаніе ректора, наставниковъ и учениковъ отпускать ежегоднаго жалованья, вмѣсто прежнихъ пятидесяти рублей и пятидесяти четвертей хлѣба, выдаваемыхъ вмѣсто милостыни, по 200 рублей изъ малороссійскаго войсковаго скарба [3]). Далѣе грамота запрещала всѣмъ воинскимъ и гражданскимъ чинамъ, равно кіевскому войску и мѣщанамъ «никакихъ обидъ академіи и утѣсненія

---

[1]) Арх. кіев. консистор. Доношеніе Раф. въ синод. указ. 1738 год.

[2]) Памятники, изд. врем. комиссіей. т. 2 стр. 363. Подлинникъ грамоты въ музеѣ при академіи кіевской.

[3]) Это жалованье Рафаилъ распредѣлилъ такъ: 35 руб. отдавалъ на братскую церковь, 35 на содержаніе школы, а остальные 130 руб. отослалъ на храненіе въ монастырскую казну.

не чинить». Двѣсти рублей, выдаваемые правительствомъ, очень ничтожная цыфра со стороны помогающаго правительства для такого заведенія, въ которомъ болѣе 1000 воспитанниковъ. Рафаилъ въ 1743 году снова просилъ правительство, чтобы оно уравняло жалованье наставниковъ кіевской академіи съ тѣмъ жалованьемъ, которое получали наставники въ славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ [1]). Ходатайство, полагать надо, не принесло пользы академіи, потому что до 1786 г. выдавалось изъ войсковаго скарбу по 200 руб. и по 200 четвертей хлѣба [2]).

Заботы Рафаила о внѣшней сторонѣ академіи обезпечивали благосостояніе училищной корпораціи и учениковъ. Въ этомъ отношеніи особенно много значила нестяжательность и щедрость самаго митрополита. Избытокъ въ средствахъ самаго Рафаила весь опредѣлялся на академію. Кромѣ ежегоднаго архіерейскаго жалованья въ 100 рублей, Заборовскій профессорамъ и учителямъ, которые въ то время кромѣ содержанія не получали вознагражденія, смотря по заслугамъ въ поощреніе, давалъ изъ своихъ доходовъ частыя денежныя награжденія. Большое число бѣдныхъ студентовъ онъ содержалъ на своемъ囲 коштѣ, не разъ дѣлалъ помощь и тѣмъ студентамъ, которые, по окончаніи курса, посылаемы были митрополитомъ за границу для продолженія образованія. Недоставало-ли у бѣднаго ученика средствъ къ пропитанію, имѣлъ ли воспитанникъ нужду въ обуви, одеждѣ, онъ шелъ къ митрополиту и, нѣжно выслушиваемый имъ, получалъ необходимое. «Понеже азъ, нижайшій слуга и подножокъ», изъяснялъ въ прошеніи 1746 год. Петръ Яновскій,

---

[1]) Арх. кіев. консистор. Копія въ собр. Синодск. указ. 1743 г.

[2]) Церк. іерарх. Амвр. ч. 1, стр. 492.

жившій въ спѣвальнѣ архіерея и обучавшійся въ академіи,—«подъ наставшое сіе зимное время за неимѣніемъ кожуха весьма крайнюю нужду узнаю» и пр.[1]).... Съ отеческою заботливосвію митрополитъ на прошеніи Яновскаго кладетъ резолюцію: «Исправити, и о прочихъ нужды имѣющихъ прилежаніе имѣти». Сироты-воспитанники,—дѣти священно-церковно-служителей, часто по распоряженію митрополита пользовались доходами отъ парохій, на которыхъ ихъ были родители, и это въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить воспитаннику возможность продолжать образованіе. Здѣсь, впрочемъ, брались во вниманіе способности и успѣхи воспитанника. Служилъ въ парохіи викарій и получалъ за то половину доходовъ, а другую половину—сирота воспитанникъ академіи, если онъ имѣлъ на то «концессъ». Замѣтимъ здѣсь, что въ самомъ митрополитѣ на столько была сильна любовь къ просвѣщенію юношества, что онъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые не желали получать образованіе, не давалъ въ епархіи никакихъ мѣстъ и не разъ тѣхъ воспитанниковъ, которые, не желая продолжать ученіе въ школахъ, ссылались на свою неспособность, подвергалъ освидѣтельствованію и тогда только, когда воспитанникъ дѣйствительно былъ глупъ, удалялъ его изъ академіи. Рельефно Георгій Конисскій въ надгробной рѣчи (1747 г.) митрополиту Заборовскому выражаетъ заботливость Рафаила о бѣдныхъ студентахъ. «Кто не видѣлъ, говорилъ витія, безприкладную милость его къ учащимъ, кому невѣдомо было великое призрѣніе его къ учащимся? Не хочу я о семъ многа слова простирать, лучше за меня проповѣдуютъ хотя и безглас-

---

[1]) Въ арх. кіев. консист. см. дѣло 1746 год. 28 дня № 134; дѣло № 1094.

ная каменная оная ново-водруженная, царским чертогам подобающая училищная зданія, многим иждивеніем преосвященнаго архипастыря состроенная! Недоволен един язык того исповѣсти; нехай убо многочисленными языками съ жалостію нынѣ исповѣдуетъ многочисленный оный домъ, общее учащихся нищихъ прибѣжище, бобиле, глаголю, бурсацкіе, безгрунтовіи, безденежніе, чрезъ шестнадцать лѣтъ милостію преосвященнаго архипастыря оправляеми, огрѣваеми и многообразно ежечаснимъ его знаніемъ, подаяніемъ снабдѣваеми!» [1]).

(Окончаніе будетъ).

П. Молчановъ.

ИЗЪ ПАЛЕСТИНСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Яффа.

I.

Загрохоталъ—и прянулъ звучно
Массивный якорь въ лоно водъ,
И съ боку на бокъ такъ докучно
Валится грузный пароходъ.
Предъ нами Яффа! Палестина!
И сердцу хочется обнять
Святую землю, съ чувствомъ сына,
Еще не видѣвшаго мать.
И взоръ ласкаетъ и цѣлуетъ
Желанный край святѣйшихъ мѣстъ,

---

[1]) Слово г. Конисск. въ рук. кіево-мих. библ.

И радость дѣтская волнуетъ,
И безъ числа кладется крестъ.
Вся Яффа, въ видѣ полукруга,
На желтой горкѣ улеглась,
И словно лѣзутъ другъ на друга
Дома и башни встрѣтить насъ.
Ужъ къ намъ арабы цѣлой кучей
Ползутъ и скачутъ въ попыхахъ;
Ихъ говоръ рѣзкій и трескучій
Шумитъ, глушитъ, наводитъ страхъ.
Глядь! ваши вещи въ шумѣ рѣчи
Летятъ чрезъ бортъ и черезъ трапъ,
И васъ самихъ схвативъ на плечи,
Поспѣшно въ лодку мчитъ арабъ.
Бушуетъ водная пучина,
Мы на вещахъ какъ на холмѣ,—
У всѣхъ лишь слово Палестина
На языкѣ и на умѣ.
Предъ нами волны пѣнятъ, хлещутъ
На рядъ утесовъ вѣковыхъ,
И высоко летятъ и блещутъ
Фонтаны брызговъ снѣговыхъ;
А здѣсь за нами мчатся волны
Сплошной зыбучею стѣной,—
Вотъ-вотъ зальютъ съ нами челны
И наши души до одной.
Но нѣтъ! арабы и на щепкѣ
Погибнуть не дали бы намъ:
Какъ будто проволоки крѣпки,
Ихъ жилы вьются по рукамъ.
Съ бурливымъ моремъ ловко споря,

Они гребутъ, они летятъ,
И по верхушкамъ волнъ безъ горя
Чрезъ камни къ берегу скользятъ.
Нѣтъ ходу: мель—и васъ на плечи
Арабъ хватаетъ, на земь хлопъ!
А въ двухъ шагахъ, для вашей встрѣчи,
Верблюжій ревъ, ослиный топъ,
Шумъ, давка, гулъ; арабскій скрежетъ
Вотъ поминутно ухо рѣжетъ,
И огрызаяся хаджи
Даютъ арабамъ бакшиши.

II.

Предъ нами улица не шире
Избушки русской небольшой,
И намъ въ древнѣйшій городъ въ мірѣ
Идти по лѣстницѣ крутой.
Нашъ грузъ арабъ, съ лихой снаровкой,
Вмигъ охватилъ живымъ узломъ,
И вскинувъ на спину веревкой,
И зацѣпивъ ее надъ лбомъ,
Поплелся въ гору бойкимъ шагомъ;
А мы, свободные, за нимъ,
По камнямъ сглаженнымъ, зигзагомъ,
Едва лишь тянемся, скользимъ.
Дорога вьется выше, круче,
И вотъ надъ улицею сводъ,
На сводѣ домикъ; дѣти кучей
Глядятъ на нашъ несмѣлый ходъ,
Но здѣсь не окна, просто норы,
Лишь загорожены кой-какъ;

И улицъ нѣтъ, а коридоры,
Въ которыхъ вѣчный полумракъ.
Дома какъ стѣны, вмѣсто крыши—
Слегка покатый потолокъ,
Въ стѣнѣ проходъ, въ аршинъ не выше,
Ведетъ на дворикъ-уголокъ
Нѣмая тишь; дома и люди
Все сжато, сдавленно глядятъ;
Вездѣ давнишней грязи груды
И всюду затхлостью разитъ
И въ бѣломъ, словно привидѣнья,
Окутаны съ главы до пятъ,
Арабки между запустѣнья
Неслышной поступью скользятъ.
Лишь за воротами, за башней,
И въ бурный вихрь, и въ тяжкій жаръ,
Разноголосицей всегдашней
Шумитъ пестрѣющій базаръ
Въ шатрахъ изъ прорванной холстины
Арабы, кофе, наргиле;
Гранаты, фиги, апельсины
Лежатъ холмами на землѣ;
Чалмы, цилиндры, камилавки,
Мальчишки вѣчно на легкѣ,
Бритье бородъ средь шумной давки;
Обѣдъ подъ солнцемъ на пескѣ;
Струя библейскаго фонтана
Журчитъ на мраморъ—водоемъ,
И стихъ узорчатый Карана
Пестрѣетъ золотомъ на немъ.
Въ живой, невиданной картинѣ,

Все рѣзко просится въ глаза,
Не скоро вспомнишь о святынѣ,
Смотря на эти чудеса.

III.

Весь утомленъ въ вниманьи слабомъ
Къ восточнымъ лицамъ и мѣстамъ,
Иду я вечеромъ съ арабомъ
И захожу въ арабскій храмъ
Одинъ я, мимо пробѣгая,
О немъ навѣрно бы сказалъ,
Что это—погребъ, кладовая,
Или промышленный подвалъ.
Внутри еще бѣднѣй и страннѣй
Святыня видится глазамъ:
Нагія стѣны, полъ изъ камней,
Двѣ три цыновки по мѣстамъ;
Святые лики—глянуть грустно—
«Ужели это человѣкъ?»—
Невольно спросишь;—такъ искусно
Ихъ начертилъ художникъ-грекъ.
Убогій пастырь, въ ветхой ризѣ,
Самъ и священникъ и пѣвецъ;
Живыя птички на карнизѣ
На свой щебечутъ образецъ;
Алтарь безъ свѣта, малъ и тѣсенъ,
И утварь бѣдная, въ пыли;
На старыхъ стѣнахъ копоть, плѣсень
Давно слоями залегли..
Но вѣра дышетъ здѣсь любовью,

Но тихи въ храмѣ всѣ концы,
И лишь святому славословью
Здѣсь вторятъ дѣти и отцы.
И сладко вспомнить о явленьи,
Что мнѣ представилося тамъ:
Арабка-мать внесла въ волненьи
Больное дитятко во храмъ,
И безъ помѣхи, безъ глагола,
Въ алтарь, сквозь царскія врата,
Вошла, склонилася у престола,
Какъ бы у самихъ ногъ Христа,
Ему повѣдала всю муку,
Единымъ сердцемъ говоря,
Въ слезахъ воздвигла молча руку
Къ лампадкѣ мѣдной алтаря,
Вложила перстъ въ елей душистый,
Крестъ на младенцѣ провела
И, пламенѣя вѣрой чистой,
Уже спокойная ушла...
И сердце отъ ея примѣра
Невольно дрогнуло въ груди,
И вспомнилось мнѣ слово: *«вѣра*
Твоя спасла тебя—иди!»

С. Пономаревъ.

7 мая 1874 г.
Яффа.

Некрологъ студента кіевской духовной академіи Д. В. Тимонова. (изъ 12 № *тр. к. д. ак.* 1875 г.)

13 ноября 1875 года въ церкви Братскаго монастыря происходило отпѣваніе тѣла умершаго студента кіевской духовной академіи, Д. В. Тимонова.

Д. Тимоновъ родился 22 октября 1849 года;—онъ былъ сынъ священника орловской губерніи, сѣвскаго уѣзда, села Радогоща, Василія Михайловича Тимонова. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома—подъ кровомъ своихъ родителей,—и здѣсь то, безъ сомнѣнія, зародились и вкоренились въ немъ благія начала религіозности и доброй нравственности, которыя вполнѣ развились и отобразились на всей его послѣдующей жизни. Въ тоже время его умственное развитіе совершалось довольно успѣшно. Поступивъ въ 1865 году въ орловскую семинарію, покойный при своемъ »усердномъ прилежаніи« съ успѣхомъ изучилъ и окончилъ полный курсъ семинарскихъ наукъ, за что и удостоенъ мѣстнымъ начальствомъ званія студента (въ іюнѣ 1871 года). По словамъ товарищей, жившихъ подъ одною кровлею съ Д. Тимоновымъ, въ семинарской жизни онъ былъ точенъ и аккуратемъ, правдивъ и честенъ, строгъ къ самому себѣ и по отношенію къ другимъ. При твердыхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, онъ съ уваженіемъ относился къ своимъ товарищамъ, не позволяя себѣ сказать кому-нибудь оскорбительнаго слова. Кромѣ того, покойный почти никогда не отвѣчалъ жестко и грубо на не совсѣмъ деликатныя отношенія къ нему другихъ [1]).

---

[1]) Природа обидѣла покойнаго однимъ глазомъ, вслѣдствіе чего ему не разъ приходилось выносить оскорбленія и насмѣшки отъ товарищей по школѣ.

Недостатокъ матеріальныхъ средствъ и скромное мнѣніе о своихъ успѣхахъ воспрепятствовали покойному поступить сразу, по окончаніи курса семинаріи, въ высшее учебное заведеніе,—онъ рѣшился запастись средствами къ жизни и приготовиться надлежащимъ образомъ къ академическому образованію. Этими соображеніями объясняется то обстоятельство, что Д. Тимоновъ, по выходѣ изъ семинаріи, не думалъ окончательно пристроиться, подобно своимъ товарищамъ, въ жизни. Сначала онъ выбралъ себѣ скромную долю учителя земскаго училища дмитровскаго уѣзда (орлов. губ.) села Турищева, въ каковой должности и состоялъ съ 1 октября 1871 года по 1 января 1872 года. Незавидная ли участь сельскаго педагога, или желаніе найти болѣе широкое примѣненіе своимъ религіознымъ потребностямъ были причиною, что Д. Тимоновъ, оставивъ учительство, опредѣлился (21 февраля 1872 года) псаломщикомъ къ мценскому николаевскому собору. Усердное отношеніе покойнаго къ своему дѣлу выразилось на новой должности между прочимъ въ томъ, что онъ не ограничивался только исполненіемъ обычныхъ обязанностей, соединенныхъ съ должностію псаломщика, но и занимался проповѣданіемъ слова Божія. Послѣднее обстоятельство, безъ сомнѣнія, обратило на почившаго вниманіе начальства, которое аттестовало его по новой должности съ »весьма хорошей« стороны. Составленіе проповѣдей было однимъ изъ любимыхъ занятій Д. Тимонова, такъ что, по смерти его, оказалось немало какъ сочиненныхъ имъ, такъ и переписанныхъ словъ на разные случаи. Въ этоже время (т. е. въ бытность псаломщикомъ), вѣроятно, развилось у покойнаго стремленіе облекать въ поэтическую форму свои задушевныя убѣжденія и чувства и сочинять стихи религіознаго содержанія, которые также были найдены по смерти

между рукописями его. Но не смотря на видимое соотвѣтствіе настоящей должности религіозному настроенію усопшаго, онъ не занималъ ея до конца своей предъ-академической жизни. Тяжесть обязанностей, соединенныхъ съ должностію псаломщика, не дошедшею у насъ еще до настоящаго своего значенія, не могла не подѣйствовать подавляющимъ образомъ на почившаго, который рѣшился оставить ее, — и 9 февраля 1874 года опредѣлился учителемъ сѣвскаго голышинскаго образцоваго одноклассная училища. И въ новой должности Д. Тимоновъ проходилъ свои обязанности съ свойственнымъ ему стараніемъ и усердіемъ, какъ это и засвидѣтельствовано инспекторомъ народныхъ училищъ орловской губерніи. Въ выданномъ свидѣтельствѣ о службѣ Д. В. Тимонова при семъ училищѣ сказано, что «г. Тимоновъ при отличномъ поведеніи исполнялъ свою учительскую обязанность весьма удовлетворительно» (1874 г. августа 9 д., № 231). Тѣмъ и окончилась служебная дѣятельность покойнаго, когда онъ въ августѣ 1874 года подалъ прошеніе о поступленіи въ число студентовъ кіевской академіи и такимъ образомъ исполнилъ свое задушевное и давнишнее желаніе получить высшее образованіе.

Во все время пребыванія въ академіи онъ былъ неуклоннымъ и строгимъ исполнителемъ своихъ обязанностей, и, по общему сознанію его товарищей, раньше другихъ являлся во храмъ Божій и на обычныя молитвы; постояннѣе другихъ посѣщалъ и внимательнѣе относился къ лекціямъ профессоровъ академіи, въ слѣдствіе чего товарищи не разъ обращались къ нему за составленными лекціями во время сдачи экзаменовъ. Такое серіозное и добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу, особенно же самоотверженное занятіе покойнаго на второмъ году пребыванія въ академіи давали

основаніе надѣяться, что изъ него выдетъ весьма полезный, усердный и честный труженикъ науки и опытный педагогъ, знакомый съ преподаваніемъ еще до поступленія въ академію. Но не суждено было исполниться и его и нашимъ надеждамъ, которыя совершенно неожиданно для всѣхъ разсѣялись 11 ноября—въ день его внезапной смерти. Почти мгновенная кончина умершаго побуждаетъ насъ подробнѣе остановиться на послѣднихъ минутахъ его жизни.

Во весь день 11-го числа покойный чувствовалъ себя довольно здоровымъ и даже веселѣе, какъ будто, обыкновеннаго,—по обычаю былъ на лекціяхъ, а послѣ обѣда вмѣстѣ съ товарищами отправлялся на прогулку, съ которой возвратился около 5 часовъ вечера. Послѣ вечерняго чая въ половинѣ 6 часа товарищи видѣли его гуляющимъ по коридору,—и кто могъ бы подумать, что этотъ бодрый и крѣпкій, по крайней мѣрѣ, на видъ юноша чрезъ 2 часа разстанется съ окружающимъ его міромъ?!. Послѣ краткой прогулки, Тимоновъ возвратился въ свою занятную комнату, гдѣ оставался до 7 часовъ вечера. Въ началѣ 8-го часа онъ почувствовалъ себя нездоровымъ, вышелъ на корридоръ и быстро отворилъ двери въ общую залу, намѣреваясь войти въ нее, но въ какомъ-то взволнованномъ состояніи поспѣшно затворилъ ее. Затѣмъ покойный, подошедши къ корридорнымъ периламъ, хотѣлъ опереться на нихъ, но, вѣроятно, въ слѣдствіе послѣдовавшаго головокруженія, едва не перевалился черезъ перила, отъ чего успѣлъ удержать его подоспѣвшій на помощь товарищъ. Опомнившись отъ мгновеннаго удара, Тимоновъ думалъ было отправиться въ академическую больницу, и съ этою цѣлью пошелъ къ г. помощнику инспектора; но на возвратномъ пути отъ него, не дошедши до своей комнаты, упалъ на корридорѣ. Пронзительные крики, выле-

тѣвшіе изъ устъ больнаго, вызвали къ нему изъ занятныхъ комнатъ товарищей, которые въ страшномъ испугѣ и сильномъ волненіи спѣшили помочь, чѣмъ могли, и перенесли его съ коридора въ общую залу, гдѣ начались предсмертныя страданія, прекратившія въ нѣсколько минутъ еще не расцвѣтшую жизнь молодаго юноши... Явившійся на помощь докторъ уже не могъ ничего сдѣлать для возвращенія къ жизни г. Тимонова.

Академическій врачъ, въ рапортѣ своемъ Ректору Академіи доносившій о смерти Тимонова, такъ объяснилъ причину ея: »По собраннымъ мною справкамъ, умершій страдалъ обмороками, которые обыкновенно продолжались недолго и не оставляли послѣ себя значительнаго разстройства здоровья, такъ что онъ, не смотря на повторявшіеся по временамъ обмороки, въ больницѣ не пользовался. Смерть Тимонова произошла отъ прекращенія дѣятельности сердца во время обморока. Употребленныя медицинскія средства для оживленія умершаго оказались безполезными«.

Быстрая смерть г. Тимонова произвела глубокое впечатлѣніе на его товарищей.

Заупокойная литургія и погребеніе совершены были самимъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, Епископомъ Филаретомъ, который и провожалъ покойнаго до кладбища.

Печатать дозволяется 29 Февраля 1876 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская ул. домъ № 83.